

О НЕОБХОДИМОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКАГО ИЛИ ФИЛОСОФСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПРОЧЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ
ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА 8 ОКТЯБРЯ 1836 ГОДА ЭКСТРАОРДИНАР-
НЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ НИИТЕНКО.

Судьба Искусствъ была всегда предметомъ общаго вниманія среди народовъ просвѣщенныхъ. Нашъ вѣкъ, блестящѣйшею часпю своей славы обязаный практическому наспроенію умовъ, глубоко проникнутъ важною истиною, что величайшая заслуга и поржесство знанія состоить въ воспашаніи и укрѣпленіи индигительныхъ силъ духа. Знаніе и Искусство спѣшаютъ заключить тѣсный между собою союзъ. Такъ и должно быть. Человѣкъ, пріемалъ нѣкопорымъ образомъ спрадательно въ свое сознаніе Природу съ ея многообразною жизнью и законами, не выполняетъ еще своего назначенія: онъ долженъ быть самъ мірошворцемъ подъ державною и охранительною рукою вѣчнаго Промысла, ваягая въ веществе свою душу и запечатывая его священнымъ знаніемъ своей судьбы и Ис-

шоріи. Въ возвышеннѣйшемъ нежеланіи когда-либо смысла, опыты подвиговъ ума и воли преобладаютъ нынѣ существенности и жизни; для насъ драгоценна только та идея, которая пришла въ міръ, чтобы дѣйствовать, — идея во всеоружіи, чтобы принять на себя всѣ вѣщи Олимпійскія, идея въ явленіи и образѣ. Гдѣ пробудились сіи потребности, тамъ обширное поприще для Искусства. Одни стремятся распространять вліяніе человека на физическій порядокъ вещей, и съ каждымъ днемъ мы видимъ новыя преобразованія матеріи, новыя силы, вызванныя изъ богатой запасной хранилища Природы для увеличенія наслажденій и могущества человека; другія, благороднѣйшія Искусства совершаютъ свое служеніе во имя высшихъ судебъ его. Ихъ назначеніе — олицетворять на землѣ мысль о лучшемъ, совершеннѣйшемъ бытіи вещей; въ свободномъ движеніи идеаловъ разверзая предъ нами безпредѣльный міръ возможнаго и глубочайшія убѣжденія истины и жизни превращая въ самую жизнь.

Весьма естественно, что люди съ высокими способностями лучшею частью жизни своей посвящаютъ исключительно изслѣдованію законовъ; по концѣ человеческая дѣятельность достигаетъ нѣколько важныхъ результатовъ, — посвящая труды свои изученію Искусства, особенно изящныхъ, какъ наиболее естественныхъ возвышенію человеческого достоинства. Изъ сихъ послѣднихъ Литература имѣетъ обширнѣйшій кругъ дѣятельный, и потому ей по праву принадлежала всегда большая часть философскихъ изысканій.

Могу ли надѣяться представить вамъ, Мн. Гг., въ эпюмъ другу вѣднiя что-нибудь достойное просвѣщеннаго нашего вѣжанiя? Для вѣнго надлежало бы представити предъ васъ человеку не съ мнѣими слабыми силами. Но высшая образованность; желанье кой осязати для насъ день сей, зидеи-ся усиленна многыхъ; и мнѣ принадлежишь слава расширять ея предѣлы, другимъ вѣремо попеченiе охранять ихъ, или уравнивать пуни уже извѣстнаго, не пролагая новыхъ. Всякій поспѣ въ эной густивенной iерархiи почтенъ, потому что оиъ лучше; а нуженъ, потому что образованность пребываетъ всестороннихъ усилiй человеческого духа. Вонгъ гдѣ зидючается прибо на мое слово къ вамъ. Мисли, которыя буду имѣти честь представити на судъ вашъ, относилени къ важному вопросу: *возможно ли благополучное развитiе Словесности безъ теоретическаго или философскаго ея изученiя?* Не бесполезно, особенно въ нынѣшнее время, съ разныхъ споромъ подвергать изслѣдованiю эпю задачу, когда Искусство, по видимому, посвятити на присвоенiе себѣ безусловной свободы, а Наука робко защищать свои права.

Послѣ этого, какъ древнiй шiръ совершилъ свое всенечественное шеченiе, долженъ былъ насити въ общую могилу человеческаго, на мѣстнхъ, гдѣ процвѣтала оиъ, явилась новме люди я воссияла новая идея жизни. Эпи люди, вмѣстѣ съ меченъ, принесеннымъ ими на разрушенiе остатковъ предшлаго общества, принесли съ собою и свою мысль, волю и свое слово. Грезное орудие судьбы, коймъ оиъ

поражала вопхій порядоць вещей, люди сія въ необузданныхъ порывахъ своей губащей дія-
тельности, были заспятгнуты смисломъ власнїю
Христїанства, котораго нѣкоторые омирала и контро-
рая въбрала нмъ великое дѣло обновленїя чело-
вѣчества и развитїя свѣжей образованности. Не
физическое могущество, коимъ нное общество
было создано и хранимо въ первые дни его суще-
ствования, не скоро уснуило вышнмъ нравствен-
нымъ пробованїемъ; Искусство, которое одно въ
состязанїи дашъ семь послѣднимъ живнѣ и силу,
возстановлялось медленно подѣ снїю меча и въ
варевахъ брани, не могло имѣть оного сванцѣ на-
бранныхъ мужей, своихъ самобытныхъ дѣлателей.
Насему неудивительно, что оно, въ первое время
своего возрожденїя, было однимъ воспоминанїемъ, и
въ памятниклахъ мнувшаго исало себѣ и вдохно-
венїя и закона. Могущественное вліанїе такъ
называемой Классической Словесности на Словес-
ность новѣйшихъ народовъ произвело однакожъ
благіа послѣдствїя: оно дѣло ей художественное
направленїе; распространило въ ней идею алком-
менты и опредѣлительность формы постановило
необходимыя условїя ея совершенствования.
Но что, что долгоснствовало только возбужданїе и
никанїе Новую Литературу, едвамъ для ней
нромъ; теорїя подшла тому же жребїю. Воиники
Цицолы, копоры въ произведенїяхъ Искусства не
видѣли жизни, а только внѣшнюю оидѣлу, копо-
ры въ мелочной заботливостию вожую идею въ
Словесности прывывали къ суду Аристотела, Ци-
церона, Горація и Камилїана. Уморѣнїя, передан-

ныя камъ Древностию, были плодомъ глубокой мудрости, все рассчитавшей и все взвѣсившей въ потребностяхъ своего вѣка и общества, — между тѣмъ эпитимъ умозрѣніямъ хотѣли дать силу непреложнаго кодекса для всѣхъ временъ и народовъ, хотѣли, чтобы мощный геній новѣйшихъ временъ, гордый своею юностию и воспитываемый Христіанствомъ для необъянныхъ намѣреній Промысла, чтобы эпохъъ геній смиренно возложилъ на себя рабскія цѣпи, кои отвергнушы были уже свободнымъ геніемъ Древняго Мира. Главный недостатокъ учений, развившихся въ эпохъъ духъ, былъ во-первыхъ то, что начала, освященныя авторитетомъ классической Древности, вовсе не были поддержаны изученіемъ Природы человѣческой: никто не заботился повѣрять ихъ спротивъ анализомъ послѣдней; во-вторыхъ, что сіи начала принимали видъ самаго упорнаго, свинцоваго догматизма. Это было уродливое смѣшеніе многихъ несообразностей: здѣсь царствовалъ эмпиризмъ съ прилипаніями на всеобщность и неизмѣнимость началъ, недѣлая школьная тоника съ подражаніемъ Природѣ и проч. Къ счастью Природа сильнѣе мудрованій Школы. Духъ новыхъ обществъ разертывался и мужалъ; Христіанство болѣе и болѣе очеловѣчивало народы, приобщало ихъ великому служенію идеѣ всемірной, пробуждалъ въ нихъ въ то же время глубокое сознаніе нравственныхъ силъ. Начали являться произведенія, для коихъ законамъ служили только жизнь и истина — съ эпитимъ вѣснѣ надлежало возникнуть въ Литературѣ новымъ ученіямъ, копоры въ самомъ анализѣ силъ вно-

рящихъ началъ искашь законовъ творчества. Но между тѣмъ какъ по общему закону всѣхъ первоначальныхъ покушеній теорій, возникшія изъ философскихъ наблюденій, сами колебались между старыми предразсудками и современными преоблаженіями, распроспранился въ ученое свѣтъ духъ новыхъ изысканій. Онъ перешагнулъ предѣлы древней и новѣйшей Европы и вопрошалъ у народовъ давно забытыхъ о ихъ вѣстныхъ хартияхъ, о судьбѣ ихъ мысли и слова. Съ изумленіемъ увидѣли въ письменахъ Индійцевъ, въ сказаніяхъ сѣверныхъ варваровъ удивительныя богатства мысли и чувства, удивительные образы и краски; горизонтъ эстетическій расширился, и новыя теоріи, основанныя на наблюденіи одной извѣстной эпохи человѣческаго образованія, снова показались неудовлетворительными.

Такъ всегда бываетъ : внезапный приливъ жизни потрясаетъ всякое ученіе ; тамъ, гдѣ былъ берегъ, видятъ разлившіяся волны, и умъ, блуждая въ поглощенномъ пространствѣ, которое онъ считалъ своимъ, съ грустною думою неволью склоняется къ печальному скептицизму. Надобно дать разлитію новыхъ силъ и новыхъ явленій войти въ свои предѣлы ; въ волнахъ жить не лзя — и челоѣкъ снова успроить себѣ пріютъ на твердой землѣ. Мы не можемъ въ одномъ изъ величайшихъ явленій нравственнаго міра — въ Литературѣ, не предполагать общаго движущаго начала, всеуправляющей идеи, которая присутствуетъ въ каждомъ свѣпломъ и оправданомъ порывѣ челоѣческой мысли и сердца. Но вотъ важныя прецед-

ствія. Сколько затрудненій представляется въ преслѣдованіи этой идеи по всемъ изгибамъ нашей Природы, по всемъ направленіямъ жизни и ея условій! Намъ скажутъ: царство слова не есть ли царство мысли? А эпихъ царствомъ правитъ свобода измѣчивая и бурная, вмѣсто поспояннаго и строгаго закона необходимости. Кшошь уловишь мысль человѣческую въ быспрыхъ ея превращеніяхъ, когда она шо свѣспитъ едва прижшоною искрою, шо, вдругъ воспламенясь, спановишся пожаромъ и метель зарево свое на опдаленные бѣка и Царства? И сколько поколѣній прешло на земли, каждое со своимъ взглядомъ на вещи, со своимъ шредогамъ въ сердцѣ и своимъ словомъ въ успахъ! Сколько измѣненій пало на ихъ харшіи изъ глубины вѣковъ — эпихъ предспавишелей судьбъ Божеспвенныхъ на земли, эпихъ душеводителей Испоріи, конхъ завѣспъ все повергашъ въ шадніе и все возрождащъ къ новой жизни! Едва успѣли вы воздвигнуть шакую-шо систему нравспвенныхъ соотношеній, поспановишъ шакой-шо законъ мысли и чувства, являющся мѣспностью со своимъ неизбѣжнымъ вліяніемъ на человека, время съ губишельною и жизненною своею сядою — и строиное зданіе ума вашего падаешъ жершвою воздушныхъ преобращеній, или исчезаешъ въ быспромъ полетѣ подувѣка. На чемъ же шущъ основишся? Изучашъ природу человека не значишъ ли изучашъ шолько его Испорію? Не въ сей ли послѣдней заключаешся истинная Философія жизни и Искусства? Здѣсь, въ изьясненіи опдаленныхъ случаевъ, въ часпной харакшерспикѣ вѣ-

ковь, народовъ и недѣльныхъ мы, по крайней мѣрѣ, найдемъ быль, а не грезы, и сердце, жаждущее впечатлѣній, обратитъ свою пауду. Вотъ почему многіе изъ новѣйшихъ Писателей, особенно цѣни- шелей Литературы, стараются усвоить изученію ея характеръ исключительно исторической, оп- вергая всякое систематическое развитіе умоиз- рительныхъ началъ, или же оставляя къ нему со- вершено равнодушными.

И такъ, Мм. Гг., Наука дошла до того, что рѣшилась уничтожить Науку. Разумъ бросилъ брады правленія въ царствѣ свободы надъ одною изъ важнѣйшихъ ея обласпей — надъ обласпію мысля и слова. Мы не посмаемъ уже опцаленныхъ экспедицій для опысканія ископа рѣки, которая наполяетъ насъ живопворными своими смрулами; мы будемъ плыть по ея теченію, не заботясь, ку- да принесутъ насъ ея волны, будемъ плыть на Востокъ или на Западъ— все равно: ибо и тамъ и здѣсь все одно и то же безпредѣльное небо. Если въ Литературѣ цѣлыя Школы возстанутъ на не- проверженіе чистыхъ и возвышенныхъ понятій о красотѣ; если Крипика, не находя обуздаи со стороны общихъ и непреложныхъ истинъ Искус- ства, присвоитъ себѣ право выдавать личныя свои понятія за верховный законъ; если цѣлое поколѣ- ніе сдѣлается жалкимъ итралицемъ того или дру- гаго мелкаго и односторонняго ублденія, и на- копецъ Искусство, въ ложномъ своемъ направленіи, въѣдетъ того, чтооь благотворять человечеству, укроцая его нравственныя и политическія бури, очищая по возможности землю отъ крови и грязн,

бросить съмена порчи и разрушенія въ самыя нравы, то чтожь дѣлать? Намъ скажутъ, что все это есть неизбѣжное слѣдствіе историческаго хода вещей, плодъ обстоятельствъ и духа времени. Въ Искусствѣ все условно и всякій палавъ самъ себѣ законодащель. При томъ спавемъ надѣяться, что найдутся люди съ благороднымъ сердцемъ и свѣплымъ умомъ, которые рѣшатся смѣло прошивопоспавить здравыя понятія ли и заблужденія. Такъ! последнее упѣшишельно; но какія же испины призовутъ они въ свидѣльство своей правоты? Чьимъ именемъ будутъ они дѣспивовашь въ благородномъ своемъ служеніи? *Я такъ думаю, или учитель такъ сказалъ* — итъ, на этотъ влкъ ни чье сердце не опзовешся; авторитеты пали предъ могущеспвомъ идеи; только она одна, какъ выраженіе вѣчнаго закона, имѣеть побѣдительную силу укрощаеть бурныя спрасня парпій и примиряеть самолюбія чловѣческія.

Имѣя честь говорить въ собраніи мужей споль просвѣщенныхъ, я не боюсь укоровъ въ нападеніи на одно изъ прекраснѣйшихъ послѣдспвій современной образованности — на историческое изученіе Литературы. Воздадимъ хвалу сему направленію вѣка за драгоценный его даръ — за обращеніе философскихъ изысканій и Искусствъ на пущь жизни и дѣйствительности, за рѣшишельное пораженіе, нанесенное имъ школьнымъ суесловіемъ, за право гражданства возвращенное здравому смыслу въ области Науки. Но въ то же время будемъ умѣренны и осторожны: ибо какого добра не превращали во зло неразумные его поборники, пре-

увеличивающіе правое дѣло до того, что оно спавишился уже неправымъ, переходя естественныя свои границы— энтузіасты, испоргающіе у всѣхъ другихъ истинъ ихъ достоиніе, чтобы принести его въ жертву новой идеѣ? Мы желали бы ихъ, и ихъ однихъ убѣдиль, что историческое изученіе Литературы съ исключеніемъ всеобщихъ философскихъ началъ, не возможно и было бы пагубно. Мы спросили бы ихъ: какимъ убѣжденіемъ руководствуясь они, когда хотѣли изслѣдовать литературныя произведенія разныхъ Школъ, разныхъ эпохъ и народовъ и опредѣлить ихъ достоинство? Или для нихъ нѣтъ въ произведеніяхъ сихъ эстетической спорности, а существуетъ одна только фактъ? — Быть не можешь. Это значило бы торжественно сознаться въ величайшемъ варварствѣ и безвкусіи, въ посягательствѣ на совершенное испроверженіе Искусства. Нѣтъ, они съ воспоргомъ говорятъ намъ *о красотахъ* швореній, извлеченныхъ ими изъ забвенія, ищутъ нашего сочувствія, пребуоуть единства впечатлѣнія. Здѣсь красота мѣстная— хороша. Но почему она должна имѣть для меня какую-нибудь цѣну? Какое мнѣ дѣло до Гомера? я не Грекъ; однакожъ Иліада высокое созданіе для меня, уже конечно не по одной вѣрности описаній; она высокое созданіе художественнаго гения Греціи, объявшаго мыслию своею огромное пространство жизни и умѣвшаго въ то же время овладѣть сею жизнію, очистишь ее отъ всего непозапического, внести въ нее разнообразіе, гармонію, изящество. Меня плавляетъ здѣсь не только жизнь, но и образы, какіе она приняла

Часть XIII.

35

на себя, и организація, и способъ, какимъ она движется и дѣйствуетъ. Это твореніе — собственность цѣлаго человѣчества, какъ созданіе, а не какъ списокъ.

Духъ человѣческой пребудеть единства: или Литература просто дѣло житейскихъ и мѣстныхъ нуждъ общесва, и тогда должно смотрѣть на нее съ точки зрѣнія политической, исключительно нравственной и т. п., должно приводить уже и съ намеками къ единству сего частнаго, эмпирическаго воззрѣнія; или Литература Искусство самостоятельное, свободное, плодъ особеннаго настроенія души человѣческой: въ такомъ случаѣ надобно же допустить законъ, объемлющій вѣсть удыльный кругъ жизни, законъ общій для всѣхъ промѣнъ ея, точно такъ, какъ одному и тому же закону пятотпѣнія мы приписываемъ вращеніе планетъ и паденіе песчинки на землѣ. Мы согласны, что жизнь человѣческаго духа такъ сложна и разнообразна въ своихъ формахъ, такъ много зависитъ отъ постороннихъ вліяній, что было бы нелпо, признавая въ движеніи ея причину общую и единую, не видѣть въ то же время причинъ ближайшихъ, частныхъ, которыя принадлежатъ только судьбѣ и Исторіи. Но оставимъ на минуточку видовое различіе явленій и посмотримъ на родовую ихъ физиогномію, что также принадлежитъ къ естественнымъ и необходимымъ способамъ нашего воззрѣнія на вещи: не найдемъ ли мы въ произведеніяхъ Словесности чуднаго сближенія на самыхъ противоположныхъ степеняхъ образованности? Силъ, зиждущая ихъ, не на однихъ ли точкахъ опоры

универсидаецца, слѣдуетъ не одному ли и тому же закону гармоніи и сосредоточенности частей, хотя части сіи и сложились изъ другихъ элементовъ? Наконецъ, не къ одной ли цѣли спремимся эта дворянская сила вездѣ, гдѣ только она внимлетъ голосу сердца и закону ума? Оплачивая эпоху опъ эпохи, народность опъ народности ихъ собственнымъ характеромъ и судьбою, мы поспигаемъ, какъ разные люди, при различныхъ условияхъ, смощрѣли на жизнь и Искусство; проникая сквозь воѣ особенности до общаго сокровеннаго значенія жизни и Искусства, мы вразумляемъ въ цю, чего сіи послѣдніе шребуютъ, что люди выполнили и что должны они выполнить: ибо въ обласии свободы конечно естѣ различіе между тѣмъ, что *дѣлается* и что должно *дѣлаться*. Тѣ, кои опасаются вредныхъ послѣдствій ратионализма, говорятъ, что философское изученіе Словесности должно быть подчинено историческому и что по этому первое тогда будетъ возможно, когда Исторія обогатится насъ большимъ числомъ памятниковъ и фактовъ и мы совершенно ихъ выразумѣемъ. Когда же это будетъ? одинъ изъ нашихъ Писателей сказалъ, что самую Исторію мы поймемъ хорошо только въ минупу свѣтопреставленія: овъ правъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что ее не должно изучать нынѣ же? Въ какую эпоху развитія человеческого можетъ сдѣлаться излишнее пошребность новыхъ опытовъ? Гдѣ люди наконецъ могутъ оспановиться и сказать: «довольно! Природа и свободная дѣятельность духа не дадутъ намъ уже болѣе матеріаловъ, которые бы повлекли

за собою дополненія и измѣненія въ зданіи Науки? Всякая Наука не совершенна, но величайшая заслуга ея соспости въ томъ, что она внушаетъ намъ священное уваженіе къ *законности* и хранитъ основныя истины отъ бурнаго переселенія силъ, отъ необузданной свободы явленій. То, что есть въ ней твердаго и непреложнаго, не служитъ къ объясненію *всего*; однакожь это точка опоры для объясненія того, что мы знать можемъ. Пусть ея назначеніе будетъ только выразить законъ необходимости въ извѣстномъ актѣ свободы: человѣкъ долженъ благоговѣть предъ нею; она щипъ его проповѣдь написка случайностей, проповѣдь искушеній и буръ всякой современности.

Когда сомнѣніе подпочиваетъ корень основнаго началъ, когда потрясено довѣріе къ разуму въ его стремленіяхъ и выводахъ — что тогда дѣлаешь въ Искусствѣ? Внимаешь голосу одной жизни. Вотъ одно изъ началъ ученія, отвергающаго законность въ Липерапуртѣ, проповѣдующаго въ ней безусловную свободу. Это начало безбрежное, какъ сама идея имъ выражаемая, темное и совѣтъ не логическое, есть очевидный плодъ эмпиризма, отвергающаго Философію. Въ душахъ сильныхъ это родъ опчаянія, копорымъ мстятъ онѣ обманчивости теорій; въ душахъ нечистыхъ это поводъ дѣлать все по произволу, а отвѣтственность за послѣдствія возлагать на судьбу, на духъ времени и проч. Не видимъ ли мы на дѣлѣ горькихъ плодовъ этихъ печальныхъ полуубѣжденій, этого проповѣдничкаго духа, копорый ищетъ мѣрла всему въ себѣ, п. е. въ своихъ спрасняхъ, или въ жал-

комъ равнодушіи, отъ пресыщенія ими? Что дѣлаеть большая часть Писателей, поглощенныхъ жизнію, а не возвысившихся надъ нею, преданныхъ текущимъ прельщеніямъ и заботамъ дня? Что дѣлають даже истинные таланты? Бодрствуютъ ли они на спрѣжъ Искусства? блюдутъ ли они священный путь къ Капишолію отъ оскверненія сатурнальных игрищъ? Они живутъ, или лучше сказать, спѣшатъ изжить себя въ настоящемъ; современность заслонила предъ нами попомство; высокія потребности и права души брошены, ими къ ногамъ своенравной моды, которая требуетъ сего для кровавыхъ игрищъ Римской арены, а завтра будетъ просить малодушныхъ слезъ отъ пресыщенія дикимъ хохотомъ. И эти жрецы, обреченные высокому служенію, соевлекшись своихъ багряницъ, бросили храмы боговъ своихъ и ринулись на площадь раздѣлять съ толпою ея шумныя волненія или ея мелкія спрасни. Взоръ ихъ не проспирается въ грядущее — какъ будто Провидѣніе предало свою прекрасную вселенную, свое возлюбленное человѣчество во власшъ одного вѣка, какъ будто закапъ солища на вечери сего дня не общаешь зари для грядущаго, и все преидеть, потому что мы сами преидемъ? И вопшь изъ сего наспроенія умовъ, споль проптивнаго художественному усовершенію Литературы возникаетъ духъ односторонняго ягоизма, который на школьномъ языкѣ называють субъективностію, оплачающій большую часть современныхъ произведеній. Драмы нѣтъ, драмы, которая служилъ выраженіемъ полныхъ, созрѣвшихъ и бодрыхъ силъ Генія-мужа; ее

усиливающимся создать: ибо чувствуютъ, что ее не достигнетъ для достоинства и славы въѣкъ; но немощныя усилія порождаютъ одинъ Лиризмъ, избобляющій дѣтскую удобопріемлемость впечатлѣній, или философское пустословіе, широкое ужестованіе на часъ и случай. Такъ вездѣ пробивается мелкое желаніе выставить себя на всемірное зрѣлище, рассыпая сегодня предъ толпою жаркія впечатлѣнія вчерашняго дня. Здѣсь блестятъ разнодѣльные огни страстей, возжигаются помянушио въ безопытныхъ приязнаніяхъ сердца и гаснущіе съ дымомъ и чадомъ въ атмосферѣ общественныхъ тревогъ и спешней; здѣсь *жизнь*, какъ нынѣ говоритъ въ модѣ, мы прибавимъ: не нѣтъ созданія, гдѣ жизнь была бы воздѣлана и успроена по разуму. Философія Искусства, или, что одно и то же, здравый смыслъ говоритъ, что органическая опредѣлительность формы есть необходимое условіе изящнаго произведенія, что въ основномъ понятіи о ней надобно согласоваться съ Природою, которая не иначе достигнетъ цѣлей жизни, какъ приводитъ въ движеніе силы по определенной идеѣ, спорого размѣру и соотношеніямъ. Для насъ нѣтъ другаго способа творить въ Искусствѣ. Удалимся ли мы на семь пущи отъ Природы? Мы будемъ какъ дѣти, какъ школьники, рисовать одни головы, глаза, чертить одни круги и линіи. Но на что же въ произведеніи органическая цѣлостъ, разнообразіе въ единствѣ? Можно мысли какъ-нибудь набросать на бумагу, не давая себѣ опчета ни въ границахъ, за кои онѣ не должны проспираться въ своемъ теченіи, ни въ пу-

пяхъ, конми должны достигать предположенной цѣли, если только нужно ее имѣть: вдохновенію все позволено. Въ духѣ этой Школы можно говорить такъ посвящаемымъ въ таинства Искусства: сверкнула ли у васъ случайно мысль — бросайте ее смѣло на бумагу, но не думайте болѣе. Надобно только быть хорошо расположену — вотъ главное дѣло. Надобно разгорячить голову, надобно вскипавшимъ спрашивать, надобно прийти въ неистовство Пиеи: тогда въ головѣ вашей начнется удивительное броженіе — истинный признакъ гениальности. Кидайте, скорѣе кидайте эгопъ бредъ на бумагу: шупъ будетъ все свѣжо, неподдѣльно, оригинально. Ваши мысли движущая неспройными толпами, подобно варварскимъ племенамъ въ эпоху кроваваго переселенія народовъ? что нужды — эго-шо и есть жизнь. Куда онѣ идутъ? Зачѣмъ? Гдѣ остановятся? Гдѣ ихъ вождь? сославашъ ли онѣ спройное общество, или будутъ ссориться и шertzать другъ друга? Кому и какое до этого дѣло? Можеть быть, онѣ сами устроятся безъ державной руководящей мудрости, случай примиритъ противорѣчя, установитъ порядокъ. А если и нѣтъ, то что за бѣда! Эгопъ самый хаосъ будетъ признанъ твореніемъ Гениа немножко своеправнаго, но — употребимъ модныя сравненія — могучаго какъ рокъ, глубокаго какъ бездны океана, паквисъвеннаго какъ вѣчность, наконецъ грознаго какъ истинный беспорядокъ. Эгопъ хаосъ поиребуеть себѣ еще почетнаго мѣста въ теоріи Искусства; онѣ проложитъ себѣ дорогу поварварски, ш. е. свлою и разрушеніемъ. Найдутся люди,

которыя составляютъ даже изъ этого законъ въ Литературѣ, докажутъ, что сіе совершенное существовіе разсудка, эта нелѣпая случайность въ движеніяхъ разгоряченной головы — суть открытіе въ Искусствѣ, потому что истинное правило жизни: *все должно быть такъ, какъ бываетъ*. Критика совѣспливая припишетъ все это мощному вліянію обстоятельствъ, сплететъ изъяснитъ это бурнымъ и необычайнымъ ходомъ идей вѣка. Не эпитимъ ли причинамъ должны мы приписать и недоспадокъ великихъ характеровъ на поприщѣ жизни и Искусства, характеровъ, которые бы въ современной игрѣ случаевъ могли за человѣчество положить на вѣсы нѣсколько спрогихъ убѣжденій и нѣсколько нравственнаго могущества? Положеніе наше было бы очень печально, если бъ это было такъ: ибо Искусства такимъ образомъ были бы лишены природныхъ своихъ покровителей и мелочность въ Литературѣ сдѣлалась бы зломъ уже неясцѣлимымъ.

Такъ, Мм. Гг., Литература можетъ подчиниться своевольству спраспей и необузданности фантазіи, если для нея не будетъ другаго закона, кромѣ возбужденій, какія почерпаемъ мы въ превожной игрѣ окружающихъ насъ вещей и обстоятельствъ, если никакое высшее начало не осмыслилъ ея начинаній и не будетъ управлять ея пулями. Пусть пребудетъ она въ союзѣ съ жизнью; но благошворная власть ея надъ сердцемъ человѣческимъ должна проистекать изъ того, что царствуетъ надъ жизнью — изъ вѣчныхъ, всеобщихъ потребностей и законовъ мысли и сердца. Гдѣ же

Литература обрѣщетъ эту мощь, одну ея до-
стойную, какъ не въ Науку? и что же естъ истин-
ная Наука, какъ не соединеніе умозрѣнія и опыта,
Философіи съ Исторіей? Въ идеѣ человечества,
въ высшихъ потребностяхъ духа достигнута первое
сѣмя Искусства, въ этическихъ таинственныхъ глубинахъ
должна возникнуть и теорія его и отсюда
пройти по всѣмъ историческимъ пунктамъ, по всѣмъ
направленіямъ творящаго генія среди поданіевъ
дѣйствительно имъ совершенныхъ. Первымъ пло-
домъ этого способа изслѣдованія будетъ устано-
вленіе для Литературы определенныхъ границъ,
опредѣленіе ея отъ всѣхъ другихъ явленій человѣче-
ской дѣятельности; мы признаемъ ее въ санѣ Ис-
кусства свободнаго и самостоятельнаго, которое
въ своемъ развитіи идетъ путемъ твердымъ и
вѣрнымъ, потому что идетъ къ цѣли опредѣлен-
ной—къ проявленію *излучающаго* въ словѣ. Идея излуча-
ющаго, воздѣланіе коей и оживошвореніе вѣтрено че-
ловѣческой природѣ, какъ залогъ ея просвѣщенія
на землѣ, эта идея, подобно средопочной силѣ, всѣ
явленія Литературы подчинитъ своему вліянію и
озаритъ ихъ небеснымъ своимъ свѣтомъ. Сколь
ни различны духъ и содержаніе того, что удовле-
творяетъ эстетической нашей потребности, но
Наука философски можетъ объяснить общій ха-
рактеръ излучающаго произведенія — и это одна изъ
важнѣйшихъ задачъ, подлежащихъ ея рѣшенію.
Истиннымъ произведеніемъ она называется то, гдѣ
разлита идея жизни полной, совершеннѣйшей —
жизни, которая сама себѣ цѣль и которая, отно-
сясь къ какой-нибудь сторонѣ Природы или духа,

служить для насъ въ то же время предсавише-
 лемъ сей стороны, ея идеаломъ, первообразомъ.
 Предсавленія о совершенствѣ жизни на всѣхъ
 степеняхъ ея развитія суть достояніе человѣчес-
 каго духа, который изъ среды эмпирическаго бо-
 ренія силъ и вещей всегда силится спастись на высоту
 недоступную имъ и обнять жизнь, какъ жизнь, безъ
 всякихъ постороннихъ ограниченій и назначеній;
 онъ осуществляетъ эти предсавленія въ свобод-
 ныхъ созданіяхъ Искусства; онъ пворецъ, потому
 что общее и безконечное умѣетъ осуществлять
 въ опредѣленномъ явленіи, конечномъ и индивиду-
 альномъ. Это значитъ быть власпителемъ жизни,
 распорядителемъ ея, Художникомъ. Такое овеществ-
 леніе того, что по видимому непрерывно из-
 торгается изъ круга всякихъ земныхъ условий,
 происходитъ не иначе, какъ по строгому закону
 — по закону живой организаци, а образецъ ея есть
 Природа. Здѣсь Природа, какъ я имѣлъ честь
 выше замѣтить, служить намъ единственныиъ
 пушеводителемъ, и Наука только старается со-
 гласить человѣческіе виды ея съ пребываніями.
 Мы можемъ пворить многое, чего нѣтъ въ При-
 родѣ, но не иначе, какъ по тѣмъ законамъ, по ка-
 кимъ она поступала бы на нашемъ мѣстѣ въ по-
 добныхъ случаяхъ: ибо, осуществляя свои идеи, мы
 беремъ отъ нея пространство и время, матерію,
 краски, факты, лица, — мы входимъ въ ея царство,
 слѣдовательно должны повиноваться ея законамъ.
 Вотъ почему въ изящномъ произведеніи соединя-
 ются два элемента — идеальное и дѣйствительное,
 духъ и плоть, небесное и земное, словомъ, здѣсь

соединяются законъ свободы и законъ необходимости. Можетъ быть, одно Искусство, и въ особенности Литература, имѣетъ власть примирять сіи противоположныя стороны жизни. Сколько бы ни спорили о разностяхъ изліцаго, но то вѣрно, что болѣе изліцаго открывається для человѣка тамъ, гдѣ болѣе развито идеальной жизни и гдѣ болѣе дано ей опредѣлительности, индивидуальности формы. Всякое произведеніе Литературы, гдѣ эти требованія вовсе выпущены изъ виду, будетъ просто памятникомъ нравовъ, полицики, законодательства, памятникомъ высокой цѣны для человечества, только не произведеніемъ Искусства, не плодомъ свободного творчества. Развитіе сихъ основныхъ понятій, Мм. Гг., и приложеніе ихъ къ различнымъ формамъ литературныхъ произведеній, требуетъ глубокаго изученія человеческой природы, требуетъ, выѣсть съ нѣмъ, яснаго и возвышеннаго взгляда на жизнь и судьбу человѣка; ученіе, воздвигнутое на сихъ началахъ, конечно не можетъ быть легкою добычею всякаго любителя Литературы, который съ гордостью богача ищетъ только наслажденій, ни мало не думая объ экономіи Природы или труда, доставившихъ ему эти наслажденія.

Но мы изобразили не весь еще подвигъ теоріи Словесности. Съ высоты общихъ идей она сходитъ въ область различныхъ условій мѣста, времени и національныхъ потребностей, гдѣ ея задачи получаютъ всю важность истинны и всю значительность жизни. Здѣсь она встрѣчается съ Исторіей и ихъ союзъ довершаетъ великое дѣло

литературнаго образованія. Но да не подумаютъ, что Философія подаетъ дружескивенную руку своей сестрѣ, успѣвъ уже составить себѣ правила, я, можешь бышь, соспарѣшься въ нихъ. Нѣтъ, она идешь съ ней объ руку по пупи жизни, воспашивается при ея глазахъ, сколько же готовая принять отъ нея совѣщя, сколько сообщишь ей свои возвышенныя, общіе виды. Вотъ почему Наука Словесности должна у каждаго народа образоваться въ его духѣ, получить отпечатокъ особеннаго его воззрѣнія на одианъ и пошь же предметъ человѣчества. Мы разумѣемъ здѣсь языкъ, народныя нравы и мѣстность, копорые дѣлають для него возможнымъ такія краски и формы, какія другимъ будутъ совершенно чужды.

Нужно ли послѣ этого, Мм. Гг., доказывать, сколь можешь бышь благотѣльно философское изученіе Литературы тамъ, гдѣ она вошла уже въ составъ необходимыхъ потребностей народа, гдѣ могущественная сила ея направляетъ умы и возбуждаетъ сердца? Генію она не предписываетъ законовъ, не внушаетъ творческихъ помышленій; однакожь именемъ человечества и Природы возлагаетъ на него долгъ не измѣнить верховнымъ ихъ требованіямъ. Геній уже собственнымъ своимъ саномъ призывается къ тому — онъ представлятель Природы и человечества; однакожь онъ не слѣное орудіе ихъ. Развѣ онъ не можешь употребить во зло своей свободы? Тогда Наука можешь уполномочить кришнику сказать ему: «ты совершилъ великіе подвиги; но будь справедливъ. Не требуй, чтобы люди пріяли отъ тебя свои

нехудожественнымъ попользовеніи съ шакою же любовью, какъ она приняла изъ устъ своихъ слово чистой красоты и утѣшенія. Пусть сохранятъ они для попомощва изъ своихъ твореній только то, что достойно себя и ихъ.» — Гдѣ же путь цѣня, о которыхъ вопіюшъ липературные демагоги? Гдѣ посягательство на права и призваніе Генія? Истинный Геній не имѣетъ безумія думать, что онъ превыше челоѳчества; онъ не попираетъ законовъ: бунтуетъ одна только чернь.

Съ другой стороны общество не можетъ быть равнодушнымъ къ ходу и направленію Искусства, не можешь предать его въ жертву слѣпаго произвола и ложныхъ понятій; оно должно имѣть нравственное ручательство; что Литература, удовлетворяя одной изъ важнѣйшихъ его потребностей, не употребляетъ во зло своей власти и хѣрна своему эстетическому призванію. Это ручательство даетъ только Наука. Она свободна отъ духа Школъ и каסף; она внимаетъ одному разуму и Природѣ; охраняя святыню вкуса отъ оскверненія нечистой мысли и нечислыхъ устъ, она приготовляетъ въ юномъ поколѣніи благомыслящихъ цѣнителей всякаго липературнаго явленія, и когда Криптика во дни превознаго состоянія вкуса должна онолчиться прошивъ заблужденій его, тогда Наука благословляетъ ее на святую брань и облекаетъ ее въ доспѣхи правды, приготовляетъ ей побѣду честную и торжество законное.

Таковы услуги, которыя можетъ Философія Совѣстности оказать Искусству и образованности;

но для этого надобно ей самой совлечься великія одежды, оставивъ шемную храниву Школы и занявъ приличное ей мѣсто среди людей, коихъ она поучать призвана; она должна прежде всего ошкзаться опъ великихъ припазаній суроваго и односпорнаго догматизма, который ея именемъ возлагалъ цѣни на шалаипть, уча его мысавь и изобрѣпавть, а бездарности обѣщая успѣхъ за одну рабскую покорность его учению. Пищею ея и богатствомъ да будупть не пусныя оппалеченности, но великія явленія и силы жизни. Будепть ли говорить она о словѣ? Пуспть не одиѣ мертвыми формъ грамматическія исходятъ изъ устъ ея; пуспть по ея мощному воззванію возстанепть жизнь народная со всѣми эпохами своего измѣненія, со всѣми своими оппѣнками и пуспть она сама поведепть учащагося по всѣмъ извивамъ языка для уразумѣнія его духа, силы и богатства. Спанепть ли она изясняепть законъ литературныхъ формъ— да не владеепть она предапельски гениальнаго шворенія на Прокрустово ложе и да судипть о соразмѣрности и спройности часпей по оппношенію къ идеѣ, а не по мертвому слѣпку, соспавленному издавна для школьнаго употребленія. Еще: да будепть она проспа, не широко-вѣщательна; да процвѣпепть лице ея здравіемъ и обиліемъ жизненныхъ силъ, а не прикрасами риторизма, всегда поддѣльнаго, не величавостію ложнаго глубокомысія, придающего ей неестественный взоръ всевѣднія и характеръ шайнспвенный. Къ сожалѣнію, ей случаетса заходить въ Школу, гдѣ поступаютъ съ ней недостоійно высокаго ея сана и ошкуда выходящ

она нерѣдко въ шаковой одеждѣ, копорая пугаетъ и смѣшитъ не одну толпу. Надобно, чптобы она опказалась на всегда опъ напыщенности въ дѣлѣ и словѣ, чптобы она говорила языкомъ важнымъ безъ педантизма, изыщнымъ безъ ребяческаго суетловія, у Германцевъ языкомъ Германскимъ, у насъ Русскимъ, и наконецъ, чптобы она, по слову великаго Платона, не забывала приносить жертву Граціямъ. Мм. Гг.! да не будетъ сочтена преувеличенною мысль, копорую сей часъ осмѣлюсь изложить предъ вами: я думаю, чпто Наука Словесности въ шакомъ духѣ у насъ легче образовалась, чѣмъ гдѣ-либо. У насъ нѣтъ *своихъ* ученыхъ и школьныхъ предразсудковъ, касатъ, съ которыми борьба затруднила бы успѣхи истины. Правда, эти предразсудки импортируются къ намъ извнѣ; но благодареніе народному гению, они волнуютъ только поверхность нашихъ умовъ, не воздымая нескую и камней со дна. Предъ нами великія испины челоуѣчества, великіе вопросы жизни, копорыхъ мы не испоциали еще и копорые можемъ начать разработывать съ однимъ теплымъ желаніемъ добра, безъ тяжкаго и кроваваго опыта спрасней, встрѣлившаго другихъ на семь пуши. Мы не переучивались, а учимся должны, а это важная выгода. Наука содѣлается собственностью великаго народа, копорый предназначенъ удивить вселенную сколько же успѣхами мирной гражданственности, сколько и блескомъ побѣдъ. Мы безъ щеславія можемъ сказать это предъ судомъ народовъ и попомства, указывая имъ на то, чпто сдѣлано уже нашими свѣжими силами, подъ руко-

водствомъ державныхъ нашихъ Путеводителей къ образованности и славѣ. Характеръ своеобразія и характеръ изродности освящаютъ и наша умозрѣнія; ихъ пойметъ Русскій умъ, пошому что она будутъ наше пріобрѣтеніе. И не видимъ ли мы уже начатковъ сего благошворнаго направленія съ пѣхъ поръ, какъ мужъ ума Государственнаго и образованности высокой, въ кругу ученой дѣятельности, нашимъ порывамъ къ народности далъ силу твердаго сознанія? Справно было бы претребовать, чтобы это великое дѣло совершенно было усилями одного поколѣнія, или духомъ одной эпохи; но кто съ чувствомъ патристической гордости не положитъ камня въ основу зданія, которое должно служить величайшимъ памятникомъ народной славы?

